

19 СЕН 1961

МЕСТО В ЖИЗНИ, МЕСТО В ИСКУССТВЕ

Что бы сказали преподаватели театрального учебного заведения, если бы узнали, что их выпускник работает не по специальности. Законное возмущение — самая естественная реакция на такой поступок. И в самом деле, специалист был «запланирован» как актер, его ждал какой-то театр, на обучение ушли государственные средства, время, труд.

Ну, а если существует профессиональная театральная студия (глубоко верю, что у нее большое будущее), где «измена» своей сценической профессии, если не является закономерной, то уж во всяком случае не вызывает возмущения преподавателей? Да, да, выходит из студии человек, благодарит, так сказать, за науку и... берется за какое-нибудь новое дело! Что это за студия?

Меньше недели оставалось до открытия сезона, и в этот воскресный день в театре торпливо стучали молотки, мимо зеркал в фойе проплывали декорации, слышалось привычное рабочее «эй, поосторонись». И в эту вот атмосферу трудового беспорядка врывается иная — торжественная: в пяти импровизированных аудиториях, включая директорский кабинет, шли приемные испытания в молодежную студию. Уже не первый год театр имени Станиславского открывает свои двери перед москвичами, совсем юными — 14—16 лет.

Это школьники, учащиеся техникумов, рабочие. Не первый год мы в качестве экзаменаторов задаем один и тот же вопрос и слышим довольно часто один и тот же ответ: «Пришел в студию, потому что... Увидел объявление и пришел!».

«Кошмар!» — возмутятся иные, — театр должен быть призванием, мечтой».

А нас, право, не очень возмущает «легкомыслие» этих абитуриентов! Человек в 14 лет, конечно, может лепетать мечту о театре и может как-то готовить себя к осуществлению этой мечты, искать (а не случайно встретить) объявление, приглашающее его в студию. Но случается — у такого человека недостает или вовсе не оказывается сценических данных. И лучше будет, если он поймет это на пятнадцатом, а не на двадцати пятом году жизни.

Да, мы в своей студии, работающей, кстати, на общественных началах, порой разрушаем мечту о работе в профессиональном театре. Но чаще все-таки рождаем, выращиваем эту мечту. Ведь бывает же в 14 лет человек еще просто не понял, не осознал, что театр — это его призвание.

Из 40 человек, прошедших перед нами в день первого тура, особенно запомнились двое: очень взволнованная восьмиклассница с большим пафосом, неизменно перигрывающая, прочитавшая «Песню о буревестнике», и 15-летний учащийся техникума, спокойный человек, выбравший совсем невыигрышный, на первый взгляд, прозаический отрывок и ответивший на наш традиционный вопрос с жесткой прямотой: «Нет. Никогда не мечтал о театре. Увидел объявление и...».

На наш взгляд, он гораздо интереснее. Красивый, с большим диапазоном тембра голоса, чувство слова, умная скупость жеста и интонаций, которые всегда признак большой взволнованности. Восьмиклассница, возможно, тоже будет учиться в студии, хотя мы пока не заметили у нее никаких данных, кроме титанического желания играть на сцене. В этом случае она получит широкое эстетическое образование — будет ходить на экскурсии в Третьяковку и Бахрушинский музей, лекторы которых очень помогают студии, будет учиться танцу, фехтованию, сценической речи. Познакомится с историей русского и советского театра, узнает, что такое этюды.

Может быть, мы ошиблись, — не сумели распознать талант. Время нас поправит (бывали такие случаи в искусстве). А возможно, однажды девушка поймет, что она не актриса, что она не вправе занимать чужое место. И откажется от мечты. Это не будет трагедией. Она сама сознательно примет решение. Оно будет зрелым, проверенным. В жизнь уйдет человек,

обогащенный знаниями, с хорошо развитым вкусом.

Большинство наших учеников заканчивает студию одно временно с десятилеткой. И это удобно по чисто практическим соображениям. Десятилетка — рубикон, время, когда человек определяет свой дальнейший путь. Кто понял, что сцена не его призвание, посвятит себя профессии, не связанной с театром, той, которая ему по душе. Многие поступят в театральные вузы, нескольких учеников театр оставит в своей труппе, и они в этом же году смогут поступить в вуз заочно.

Почему музыканта, танцора воспитывают чуть ли не с младенческого возраста, а драматического актера с 18—20 лет, а то и позже? Не теряем ли мы драгоценные крупицы света и радости на сцене, когда «выдерживаем» актера в академических стенах, пока он не перешагнет за второй десяток?

Этот вопрос остается спорным. Но вот существует молодежная студия при театре имени Станиславского (и не только при этом театре). И вырастают в этих студиях интересные актеры. Пусть им не всегда достает жизненного опыта, мастерства, но нельзя сбрасывать со счета такие большие удачи юных, как, например, Христина в «Домике у моря», сыгранная 16-летней Наташей Худяковой, как Марина Зорина (выпускница студии Валя Маркова) в спектакле «Жизнь и преступление Антона Шлегелова», как Колька А. Кобзев и Г. Сайфулина в спектакле и фильме «Друг мой, Колька», Игорь А. Волков в «Раскрытом окне».

Помним, роль Игоря Толе Волкову поручили случайно — заболел актер. Немало было тогда опасений, но именно этот случай стал пробным камнем дарования юности. Теперь бывший студиец принят в труппу, и Игорь — его «законная» роль.

Все более высокие требования предъявляет человеку дело, которому он служит. И когда мы говорим о ранней специализации или раннем творческом созревании, то это разговор отнюдь не об упрощенном пути в искусстве. Театр будущего станет не только театром совершенного зрителя и многогранных талантов, но прежде всего театром совершенного мастера. А его, право, лучше ковать смолоду!

А. АРОНОВ,
режиссер театра
имени Станиславского.
Л. ЕЛАГИН,
артист.